

В.Э. Борисов-Мусатов.
Сон божества. 1904–1905

Максим Скороходов*

Идеал усадьбы в жизни и творчестве Б.К. Зайцева 1900–1940-х годов**

В статье рассматриваются «усадебные контексты» творчества Б.К. Зайцева. Писатель был знаком с бытом и традициями русской усадьбы, что нашло отражение в его произведениях начала XX в. и периода эмиграции, включая автобиографическую тетралогия «Путешествие Глеба».

The «estate contexts» of Boris Zaitsev's creativity are considered. The writer was familiar with the life and traditions of the Russian estate, which was reflected in his works of the early XX century and the period of emigration, including the autobiographical tetralogy «Gleb's Journey».

Ключевые слова: Борис Зайцев, русская усадьба, русская литература, литература русского зарубежья

Keywords: Boris Zaitsev, Russian estate, Russian literature, literature of the Russian Diaspora

* Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, отдел новейшей русской литературы и литературы русско-зарубежья. ORCID 0000-0002-6390-5670

msk2002@rambler.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00129) и в ИМЛИ РАН.

Усадебная тема актуальна для биографии и творчества Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) — писателя, имевшего богатый и разнообразный опыт усадебной жизни, знавшего усадебную культуру благодаря русской классической литературе. Об этом свидетельствуют как его художественные произведения, так и тексты, посвященные русским писателям, — книги «Жизнь Тургенева» (1932) и «Чехов» (1954), многочисленные статьи.

Рассматриваемая нами тема обозначена в статье Ю.А. Драгуновой [1, с. 77–80], перечислившей основные тексты писателя, в которых актуализируется «усадебный топос». На примере двух произведений усадебный аспект литературного наследия Зайцева характеризуется в статье Н.В. Михаленко [5, с. 272–288]. Ряд исследователей сопоставляет творчество Зайцева с произведениями такого «усадебного» писателя как И.С. Тургенев [4, с. 6]¹.

В данной статье мы остановимся на некоторых наиболее важных, на наш взгляд, примерах, свидетельствующих об актуальности «усадебного топоса» для Зайцева, значительная часть творчества которого автобиографична.

Традиционная помещичья жизнь множеством нитей связана с деревней, с бытом ее обитателей. Зайцев, развивая пушкинскую традицию (см. знаменитое стихотворение «Деревня» («Приветствую тебя, пустынный уголок...»; [7, с. 89–91]), во многом *новаторски* раскрыл этот аспект усадебной жизни в рассказе «Деревня» (1904)². В этом произведении одним из символов длительного время существовавшей, но теперь постепенно утрачиваемой усадебной жизни является «старая бабушка»:

¹ О раннем внимании к тургеневским произведениям неоднократно писал и сам Зайцев — см.: [2]; [6].

² Напомним, что получивший значительную популярность одноименный рассказ И.А. Бунина появился значительно позже — в 1909 г.

...сама бабушка, в многолетней кофте, в галошах и теплом платке, вечно бродила то по дому, то по усадьбе: то отворяла старые сараи и рылась там, вытаскивала разные нужные и забытые шубы, то перекладывала яблоки в чулане, и всегда ее обволакивало что-то здешнее, прочное, чего не возьмешь ничем [3, т. 8, с. 31].

Это «здешнее, прочное» обусловлено глубокой укорененностью в столетиях усадебной культуры. Все окружающие бабушку вещи, которые она перебирала, будто общаясь с ними и вспоминая прожитые годы, — значимые элементы усадебного мира. Пусть они малы и каждый предмет сам по себе не очень важен, но их взаимосвязь, их необходимость, вовлеченность в каждодневную насыщенную жизнь усадьбы — всё это в совокупности создает полноту усадебного бытия. Деревня находится «вокруг усадьбы», обеспечивая ее полноценное функционирование, создавая неповторимый культурный ландшафт — пространство, отведенное у природы, но при этом сохраняющее нерасторжимую связь с ней. И, что также важно, эти сопредельные с усадьбой пространства неизмеримо расширяют ее — обрамлением этого деревенско-усадебного мира становятся далекие «свинцовые облака» на горизонте:

Издали, в полутьме вечера, березы вокруг усадьбы сливаются в одну глухую, гудящую стену, а сбоку торчат лохматые риги; на них по вечерам собирается воронье; в этих сумерках они глядят ночными жителями; и далеко по горизонту ходят свинцовые облака [Там же, с. 32].

Более того, элементы внеусадебного пространства — это стражи усадьбы, самим своим существованием обеспечивающие ее жизнь: «Глухо гудят сторожевые березы вокруг усадьбы» [Там же, с. 32]. Березы — не просто деревья, растущие за ее пределами, не вписавшиеся в ее аллеи, а защитники, будто выставленные вперед воины — «сторожевые березы». Сторожа необходимы усадьбе — пространству, значимому для героев, но легко теряющемуся в окружающих просторах: «Полверсты от усадьбы — ее уж не видать» [Там же, с. 35].

Герои произведений Зайцева, становясь сельскими жителями, не чуждаются крестьян-

Борис Константинович Зайцев, русский писатель. Фото начала XX в. Фотопечать, фотобумага, картон. 13,0×8,8. Государственный центральный музей современной истории России. Москва

ского труда. Так, отец Глеба (роман «Юность» (1944)) удивлен тем, что его сын не принимает участия в сенокосе — он «вовсе расстроен. Хотел бы сочувствия сына — сырое сено в сарае! — но тот равнодушен. Чепуха все эти покосы, копны и растряски. Отец оборачивается к Глебу. “Вот лучше бы посмотрел, как они его растрясут, или сам бы помог”. Глеб невозмутимо пьет кофе с ледяным маслом» [3, т. 4, с. 393].

Центр усадьбы — помещичий дом с традиционным балконом на втором этаже, на котором можно отдыхать, обедать, пить кофе, мечтать, наслаждаясь ароматами цветущих неподалеку кустов сирени и жасмина. В рассказе «Тихие зори» (1904) Зайцев показывает, насколько несхожи виды, открывающиеся с балкона в городской квартире, с теми пейзажами, которые радуют глаз с балконов и из окон дачного дома, расположенного в саду и таким образом типологически близкого к традиционной усадьбе. Рассказчик и его тяжело больной друг Алексей с городского

С. А. Залшупин. Портреты современных русских писателей. Борис Зайцев. Гравюра. 1923.
Бумага, сухая игла, офорт. 31,5×25,0.
Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Москва

балкона наблюдали, что «все слегка затуманено, сухая, бело-пыльная дымка стояла над городом; некоторые улицы внизу, пустынные уже, как бы отдавшиеся чему-то, смутно белели недвижимыми лентами» [3, т. 1, с. 39]. То немногое, что может хоть каким-то образом сгладить тягостное впечатление от города, это садик, который бывает около дома или у церкви, и сам храм: «в балконную дверь виднелся четырехугольник света с темными липами и крестами церкви на нем» [Там же, с. 41].

Совершенно иной вид открывается в сельской местности:

Уединенная дача в березовом лесу; с полукруглого балкона, недалеко внизу я вижу озеро; оно лежит меж чистых, нежно-белых стволов берез. <...> озеро лежит немое и бледное; бессолнечный, неветренный день, облака перламун-

тровы; крупными массами они застыли в озере, и если пристально глядеть туда, начинает казаться, что выйдешь куда-то насквозь, глаз тонет в этом зеркале [Там же, с. 42].

Озеро завораживает рассказчика, заставляет о многом задуматься. На следующий год он вновь оказывается «в старом нашем гнезде, над русской рекой, под мягким русским солнцем» [Там же, с. 43]. Такая обстановка вызывает воспоминания о счастливом детстве, о неизменных приметах усадьбы: калитка в частоколе, дуб, сад, вдали река с пароходами. Сельский мир практически не изменился за многие годы — и воспоминания сливаются с явью, когда герой рассказа лежит под могучим дубом [Там же, с. 44].

В романе «Дальний край» (1913) усадьба рассматривается ее владельцами и гостями как место отдыха от суеты городской жизни, от тех дел, которые занимают их по службе. «Конечно, должны здесь пожить: деревня все излечивает, заметьте себе это» [3, т. 1, с. 416], — говорит Александр Касьяныч приехавшему к нему в гости Нолькену и начинает с ним полемизировать. Их голоса, доносящиеся с балкона, чужды окружающей природной гармонии, очарованию весеннего вечера в усадьбе:

— О чем они спорят, о чем шумят? — говорила Ольга Александровна. — Этот вечер, звезды, спящие птицы, коростель, роса, май... вот, мне кажется, где правда. Умней этого все равно не выдумаешь.

<...> В такие ночи можно слышать иные звуки, всегда новые и возвышенные; перед ними людская запальчивость слишком уже ничтожна [Там же, с. 417].

С усадьбой в отечественной словесности традиционно связаны мотивы любви, расставания, тревоги, и Зайцев выступает продолжателем этих традиций. В романе «Дальний край» в усадьбу своего отца, Александра Касьяныча, приглашает Петю испытывающая к нему романтические чувства Ольга Александровна. Именно на лоне усадебной природы, как она надеется, может произойти их сближение. Интерьеры подчеркивают старину усадьбы, древние устои, которые в ней соблюдаются.

С самого приезда молодого гостя Ольга Александровна стремится приобщить его к миру усадебной культуры: «милым майским вечером» [Там же, с. 413] она приглашает Петю на прогулку: «Они спускались легким склоном по фруктовому саду. Потом вышли через калитку в березовую рощу, еще круче сбегавшую вниз. Сквозь белые стволы блестело озеро» [Там же, с. 414].

У Пети, который в усадьбе «находился в мечтательном настроении» [Там же, с. 413], «плотские мысли не возникали <...> по отношению к Ольге Александровне. Ему хотелось быть стражем ее чистого сна, и от ее лучезарной женственности взять и себе часть» [Там же, с. 418]. Во время довольно частых прогулок с хозяйкой Петя впитывал красоту и полнозвучие природного мира. Судьбу героев определил исключительный миг — духовное сближение в светлом березовом лесу среди цветущих фиалок:

Она стояла в своем макинтоше, прислонившись к березе, из-под капюшона выбились мокрые пряди волос. От нее пахло хинной водой; в руке благоухали цветы. Петя стоял рядом, и какое-то сладкое онемение овладело им. Он чувствовал: то, что сейчас есть, уже не повторится, их души как бы сливаются, одинаково бьются сердца. Они молчали. Шло время, капли трепетали на осинках и падали, повисая на локоне Ольги Александровны. Она слабо вздыхала, и казалось, сейчас разразится буйной радостью или слезами. Наконец, видимо, превозмогла себя, резко двинулась и глухим голосом, стараясь казаться веселой, сказала:

— Мы с вами чуть не обратились в столпников. Ну, идем [Там же, с. 420].

В этот миг «пути их не слились, стали медленно расходиться» [Там же]. Будущее было определено.

Сходная сюжетная линия возникает в романе «Юность» и тоже определяет судьбу главного героя, Глеба, которого Лера приглашает в усадьбу матери Астрагань под Смоленском. Местность почти та же, что и в «Дальнем краю»: «— Много лесов, озеро внизу. Приезжайте после экзаменов, вот и увидите. Мама будет очень рада» [3, т. 4, с. 365], — приглашает Глеба девушка. В Астрагани хозяева встречают Глеба

Б.К. Зайцев. Париж. <1923–1926>.

Фото Б. Липницкого. Фотобумага, картон, серебряно-желатиновая печать. 16,7×11,4 (фото); 28,0 x 18,9 (паспарту).

Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля. Москва

по-деревенски — «Лера была в скромной кофточке, по-деревенски, букетик незабудок на груди, вся свежая и улыбающаяся» [Там же, с. 374]. Девушка показывает гостю скромный дом, небогатую усадьбу и ее окрестности. Как и Ольга Александровна, «Лера пела чувствительные романсы, аккомпанируя себе на пианино» [Там же, с. 378–379], от нее также пахло хинной водой, но была она свежее и моложе. И вновь краткий миг — общение после дождя на вырубке с зарослями иван-чая — определяет будущее героев: пути их, так и не соединившись, разошлись:

Лера подошла к кусту — вдруг как бы выстрел раздался оттуда — с треском, грохотом, обдав ее серебром брызг, вылетел краснобровый черныш, весь черно-блестящий, могучий, мужчина, самец. <...> Лера вскрикнула, отшатнулась. «Фу, напу-

С. Ю. Жуковский. В старом доме. Interer. 1913.
Холст, масло. 96,0×133,0.
Севастопольский художественный музей
им. М.П. Крошицкого

гал...» Она чуть прислонилась к Глебу, как бы и под его защиту. Локоны выбились из-под платочка. От нее пахло хинной водой.

Глеб молчал. Сердце его тяжело билось. Во влажной духоте леса, при комариках, неустанно разыгрывавших свой танец колонкою близ можжевельника, он чувствовал на себе тяжесть крупного, всегда столь легкого, а теперь ослабевшего девичьего тела. «Испугались?» — «Ну... теперь нет». Но она не высвободилась. Оба они были несколько бледны, точно бы и оба испуганы. И глаза совсем близко, дыхание почти сливалось. <...> Лера вдруг подняла корзиночку с земляничкой, отодвинулась. «А мало мы с вами собрали. Маман будет недовольна». Глеб пробудился [Там же, с. 380–381].

Эти моменты жизни героев можно рассматривать как несостоявшуюся инициацию. Романтические мечтания не становятся основой для бурного усадебного романа, что-то останавливает героев, в ситуации выбора они остаются пассивными, а позже находят счастье с другими возлюбленными.

В отличие от романа «Дальний край» в «Юности» инициатором отъезда гостя из усадьбы становится он сам, а не пригласившая его в усадьбу дама, — не реализовавшийся роман делает жизнь в одном доме тягостной.

В числе неперенных занятий, которые важны для усадебной жизни, — охота. В тетралогии

«Путешествие Глеба» отец главного героя, а под его влиянием и он сам, а также гости, отдают дань охоте вне зависимости от места проживания — это может быть как собственная усадьба, так и предоставленный отцу Глеба в пользование служебный дом, окруженный садом и стоящий в отдалении от прочих домов и работающего завода.

С ранних лет Глеб мечтал о ружье, пусть сначала детском, но своем. И потому значительным жизненным успехом и для него самого, и для его отца стал подстреленный мальчиком на охоте лось: «Отец был очень доволен. На Глеба же рухнула оглушительная волна успеха» (роман «Заря» (1934–1936); [Там же, с. 150]). Намного позже дядя Глеба, Красавец, представляя его, отметит: «...сын любимого моего брата Николая, ученая голова, с детства назван Негг Professor, десяти лет убил на облове лося» (роман «Тишина» (1939) [Там же, с. 254]). Участие в облове, успех на охоте — это не столько свидетельство меткости, сколько знак приобщения к дворянским развлечениям, к усадебному образу жизни. Именно поэтому «слава» юного охотника была значима и для него, и для окружающих. Описанный эпизод автобиографичен. 8 марта 1966 г. Зайцев напишет Л.Н. Назаровой: «Подумайте, десяти лет отроду застрелил на облове огромнейшую лосиху и в первый (и последний) раз испытал острое ощущение славы, как будто совершил подвиг, а не преступление пред мирным зверем. Мужики загонщики качали меня! Подумайте, какое идиотство» [6, 1995, № 1, с. 228]³.

Не менее охоты важна и другая составляющая усадебной жизни — чтение, иногда чтение вслух. Во многих усадьбах были библиотеки, часто весьма обширные, выписывались журналы и газеты. Своя библиотека, к сожалению, утраченная, была и у Зайцевых. «В Притыкине находилась библиотека, архивы — письма друзей и современников. Все это погибло после отъезда Зайцева с семьей за границу в 1922 году» [8, с. 23].

Круг чтения героев показывает их вкусы, уровень образованности. Прослеживаются различия в выборе книг для чтения представителями разных поколений; кого-то привлекают классические произведения, кого-то — современная модернистская литература. Девушки часто зачитываются в усадьбах романами —

³ Охоте посвящен рассказ Зайцева «Волки» (1901).

они следуют традициям усадебной жизни и надеются на воплощение романских сюжетов в реальности. Приехавший в усадьбу к Ольге Александровне Петя, представляя себе интересы хозяйки, размышляет: «Что они будут делать вечером? Ему хотелось бы читать ей вслух длинный, чистый роман в старомодном духе» (роман «Дальний край»; [3, т. 1, с. 413]). Усадебная жизнь во многом располагает к такому неспешному чтению, к некоей старомодности самого бытия на лоне усадебных садов, вблизи березовых рощ и будто зовущих окунуться в свои освежающие воды озер. Если в городе чтение романов рассматривается как один из вариантов ничегонеделанья («Лизавета же откровенно ничего не делала. Большая, светлотелая, она часами могла валяться на диване, задрыв длинные ноги и побалтывая ими, — и читала романы...» [Там же, с. 428]), то в усадьбе чтение романов — один из существенных элементов сельской жизни. У возмужавшего и женившегося на Лизавете Пети со временем сформировался специфический круг усадебного (как, впрочем, и городского) чтения: «...он много читал, гулял и думал. <...> Прав ли Кант или Соловьев в теории познания — этот вопрос отошел от сердца» [Там же, с. 577]. В Людинове Глеб читает и Тургенева, повесть «Первая любовь» оставляет у него яркие впечатления. Н.А. Куделько указывает на биографические параллели: «Сама сюжетная ситуация “Первой любви” в романе “Заря” повторяется: Софьей Эдуардовной увлечен отец Глеба. Но драмы нет, во-первых, потому, что о чувствах отца мальчик Глеб не подозревает, он догадывается о них, уже став взрослым. Во-вторых, чувств определенных нет, есть их “предвестие”, как выражается Зайцев» [4, с. 6].

Тургеневский рассказ важен и для формирования мировосприятия Жени — героя рассказа «Заря» (1910) — произведения, действие которого происходит в типичной русской усадьбе:

...начало жизни проходило в деревне. Навсегда врезался двухэтажный белый дом на взгорье, почти среди села; дорога к церкви, усаженная ракинтами; бело-розовая церковь с раздольным погостом, откуда видны луга, с разметавшейся «поповкой», — там жил причт. Наискось через улицу большой сад. Здесь уже

С. А. Виноградов. Деревня. 1890.

Холст, масло. 23,0×39,0.

Самарский областной художественный музей

слегка таинственно, и некоторое очарование представляли его дальние липовые аллеи, выходящие за село, в поле; глухие места, заросшие бурьяном и крапивой; маленький овражек, где валялись лошадиные кости и росли особенные, белые цветы [3, т. 8, с. 45].

И в этой усадебной атмосфере по-особому воспринимается «Первая любовь». В письме к Л.Н. Назаровой от 5 апреля 1962 г. Зайцев, вспоминая ощущения, охватившие его за 70 лет до этого, отметит: «...“Первую любовь” прочел <...> лет 11-ти, уже в Людинове Калуж<ской> губ<ернии>, и, помню, чуть не полчаса бегал в восторге по аллеям сада — т<ак> ч<то> Тургенев с ранних лет пришел в мою жизнь, да и в доме нашем был его культ» [6, 1994, № 4, с. 156]. Об этом же более кратко Зайцев напоминает в письме к тому же адресату 17 мая 1962 г. [Там же, с. 158].

Еще один непререкаемый атрибут усадебной жизни — получение и чтение корреспонден-

И.А. Вельц. Деревня Кокоз в Крыму. 1890.

Холст, масло. 116,3×178,5. Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева

С. А. Виноградов. Красная дача. 1917. Холст, масло. 49,0×79,0. Государственный художественный музей Алтайского края. Барнаул

ции. Это один из немногих источников информации о событиях в России, о жизни родных и знакомых. Чтение газеты «Русские ведомости» — ежедневное занятие отца главного героя тетралогии «Путешествие Глеба». С детства, со времени жизни в Устах, привыкает к естественности такого времяпрепровождения и Глеб:

Глеб вечером достанет номер газеты, залежавшийся у отца на столе под сельскохозяйственными брошюрками. На первой странице огромными буквами наверху напечатано: «Русские Ведомости». Глеб читать уже умеет, и довольно давно. На заглавие это смотрит с почтением, ему нравится, как аккуратно, округло и будто выпукло напечатаны буквы» (роман «Заря»; [3, т. 4, с. 50]).

В период кризисов, войн, революционных потрясений обитатели усадеб ждут корреспонденцию с особым нетерпением. Так происходит, к примеру, в романе «Юность», действие которого приходится на время Русско-японской войны, — у отца Глеба чтение газет вызывает раздражение, впрочем, весьма быстро проходящее:

В Прошине каждый день читал отец о войне в «Русских Ведомостях», надевая пенсне, под вечерней лампой в столовой, с каймой зеленою внизу по абажуру: чтобы не резало глаз. Прочитавши, вздыхал, складывал газету: «И куда их несет только? И куда, и зачем? Сидели бы дома, да водку пили». Отец терпеть не мог войн, шума, бес-

порядка. Но вздохнув, принимался за пиво — до следующей газеты [Там же, с. 404].

Приведенные примеры показывают, что в прозе Зайцева многообразно отразились многие мотивы, характерные для «усадебного топоса». Усадьбы и их окрестности, сельский, созвучный природной гармонии мир часто становится местом действия произведений писателя. Пребывание в усадебных ландшафтах позволяет героям уйти от влияния города, жизнь в котором далека от идиллии, подвержена воздействию революционных событий, которые, впрочем, оказывают негативное влияние и не сельскую Россию. Приход новой власти разрушает усадебный мир, утрачивается гармония (см., например, финальную часть тетралогии «Путешествие Глеба» — роман «Древо жизни» (1952)), однако память об этом традиционном для России мире остается с героями на всю жизнь.

Литература

1. Драгунова Ю.А. Русская усадьба в творчестве Б.К. Зайцева // Орловский текст российской словесности. — Орел: Орловский гос. литературный музей И.С. Тургенева; НИИ филологии Орловского гос. ун-та им. И.С. Тургенева. 2018. — С. 77–80.
2. Зайцев Б.К. Книги, книги // Русская мысль. — Париж. 1966. 24 февр.
3. Зайцев Б.К. Собр. соч. / Сост., вступ. ст. и примеч. Т.Ф. Прокопова. — М.: Русская книга, 1999–2001. Т. 1. — 601 с.; Т. 4. — 615 с.; Т. 8. — 505 с.
4. Куделько Н.А. Тургеневские традиции в автобиографической тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» (философия бытия) // Спасский вестник. 2000. № 7. — С. 6.
5. Михаленко Н.В. Библиейские аллюзии в «усадебном тексте» Б.К. Зайцева (повесть «Аграфена» и роман «Дальний край») // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. — С. 272–288.
6. Письма Б.К. Зайцева к Л.Н. Назаровой (1961–1971) (публ., вступ. заметка и примеч. Л.Н. Назаровой) // Русская литература. 1994. № 4. — С. 151–177; 1995. № 1. — С. 225–254.
7. Пушкин А.С. Деревня («Приветствую тебя, пустынный уголок...») // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 2. Кн. 1. — М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1947. — С. 89–91.
8. Романенко А. Земные странствия Бориса Зайцева // Зайцев Б.К. Голубая звезда. Повести и рассказы. Из воспоминаний. — М.: Московский рабочий, 1989. — С. 5–31.